

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 209–232.

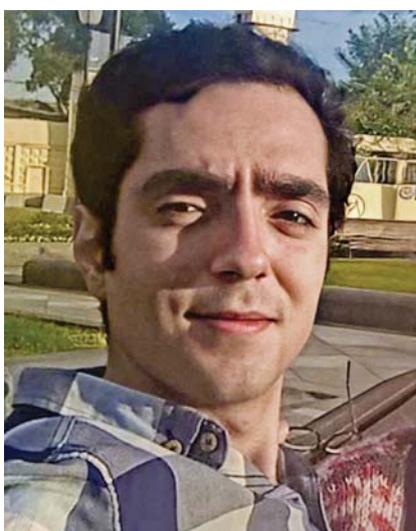
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 3. P. 209–232.

Научная статья / Original article

УДК 141.82

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-209-232

ПРЕДИСЛОВИЕ К РЕПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ И. И. ЛАПШИНА «МИСТИЧЕСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ ПРОФ. С. Л. ФРАНКА»

Александр Леонович Беграмбеков

Выпускник аспирантуры

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»,

независимый исследователь,

Москва, Россия, Alexanderbegram@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-6731-1976>

 Аннотация. Предисловие к републикации статьи И. И. Лапшина «Мистический рационализм проф. С. Л. Франка» (1922) содержит историографический анализ критики Лапшина в свете ее интерпретации, представленной в предисловии к полному собранию сочинений Франка (2023). Проводится сопоставление критики метафизики у Лапшина с подходами советских философов (И. К. Луппол, Г. К. Баммель). Оспаривается мнение, согласно которому статья Лапшина остается на периферии исследовательского интереса из-за ее предполагаемого сходства с официальной марксистской критикой. Детально разбираются основные претензии Лапшина к философской системе Франка, подчеркнутые в полном собрании сочинений: обвинение в «высокомерии» по отношению к эмпиризму, в допущении аффицирования сознания «вещью в себе», в «смешении транссубъективного и трансцендентного», а также в

© Беграмбеков А. Л., 2025

«философском партикуляризме». Важным аргументом данного исследования является демаркация между философской полемикой и обстоятельствами высылки: решение о депортации Франка мотивировалось его «политической неблагонадежностью» в глазах советской власти, а не содержанием его философских взглядов или критикой метафизики со стороны Лапшина. Подтверждается идеологическая нейтральность работы Лапшина. В заключение обосновывается значимость статьи Лапшина для современных исследований философии Франка. Подчеркивается, что изучение подобных интеллектуальных дискуссий необходимо для понимания динамики русской мысли начала XX века, поскольку критика зачастую играла конструктивную роль в формировании идей. Результаты исследования представляют ценность как для историков русской философии, занимающихся 1920-ми годами, так и для специалистов по истории русской интеллектуальной культуры в целом.

Ключевые слова: С. Л. Франк, И. И. Лапшин, мистический рационализм, русская философия, критика метафизики, философская полемика, историография

Благодарности. Автор благодарит сотрудников СПбФ АРАН Е. Н. Груздеву и Т. В. Хромцову за содействие в архивных исследованиях.

Ссылка для цитирования: *Беграмбеков А. Л.* Предисловие к републикации статьи И. И. Лапшина «Мистический рационализм проф. С. Л. Франка» // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2025. Т. 8, № 3. С. 209–232. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-209-232.

Archival Materials. Unpublished Papers

PREFACE TO THE PUBLICATION OF I. I. LAPSHIN'S ARTICLE
"THE MYSTICAL RATIONALISM OF PROF. S. L. FRANK"

Alexander L. Begrambekov

Graduate of the Postgraduate program of National Research University
"Higher School of Economics" (HSE University), Independent researcher,
Moscow, Russia, Alexanderbegram@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6731-1976>

Abstract. The preface presents a historiographical analysis of Lapshin's critique, reexamined through the interpretive lens provided by preface in Frank's Complete

Collected Works (2023). The research juxtaposes Lapshin's criticism of metaphysics with approaches taken by Soviet philosophers (I. K. Luppel, G. K. Bammel), challenging the view that Lapshin's article remains on the periphery of research interest due to its supposed similarity to official Marxist criticism. A detailed examination is offered of Lapshin's principal objections to Frank's philosophical system, as highlighted in the Frank's Complete Collected Works (2023): accusations in "intellectual arrogance" toward empiricism, accusations in affection of consciousness by the thing in itself (Ding an sich), the alleged "conflation of transsubjective and transcendent realms," and charges of "philosophical particularism." The study makes a crucial distinction between the philosophical debate and the circumstances of Frank's exile, demonstrating that his deportation resulted from being deemed "politically unreliable" by Soviet authorities, unrelated to either his philosophical views or Lapshin's critique of metaphysics. This confirms the ideological neutrality of Lapshin's work. In conclusion of the preface argues for Lapshin's article's continued relevance in contemporary studies of Frank's philosophy. Such intellectual debates, it maintains, prove essential for understanding the dynamics of early 20th century Russian thought, where criticism often served as a constructive force in shaping ideas. The results will interest both historians of 1920s Russian philosophy and scholars of Russian intellectual culture.

Keywords: S. L. Frank, I. I. Lapshin, mystical rationalism, Russian philosophy, critique of metaphysics, philosophical polemics, historiography

Acknowledgments. The author thanks the staff of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, E. N. Gruzdeva and T. V. Khromtsova, for their assistance in archival research.

For citation: Begrambekov, A. L. (2025) "Preface to the Publication of I. I. Lapshin's Article 'The Mystical Rationalism of Prof. S. L. Frank'," *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(3), pp. 209–232. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-209-232.

Damnosa quid non imminuit dies?¹

Горацій

Иван Иванович Лапшин (1870–1952) — выдающийся русский философ, психолог и историк культуры, чьи работы оказали значительное влияние на развитие отечественной мысли первой половины XX века. Одна из значимых его статей — «Мистический рационализм проф. С. Л. Франка» (1922), публикуемая в этом номере журнала, была посвящена книге С. Л. Франка «Предмет знания» (1915). И. И. Лапшин был официальным оппонентом на защите магистерской диссертации Франка².

Сегодня статья Лапшина вызывает неоднозначный интерес: во-первых, это одна из немногих в целом не комплиментарных исторических статей о философии Франка, а во-вторых, хотя эту публикацию вспоминают существенно реже, чем, например, очерк о философии Франка В. В. Зеньковского, вниманием франковеды ее все же не обходят. При этом судьба статьи в современной историографии довольно неоднозначна. Так, исследователь творчества Франка и редактор значимого сборника «Русское мировоззрение» А. А. Ермичѳв отмечает, с одной стороны, ее вывод «за пределы серьезного исследовательского внимания» со стороны И. Евлампиева, работавшего над постсоветским изданием книги «Предмет знания» (1995), с другой — игнорирование ее в значимых историко-философских исследованиях П. П. Гайденко и Н. В. Мотрошиловой.

В целом Ермичѳв (так же как и Евлампиев) отмечает радикальное несогласие Лапшина с концепцией Франка. Однако с выводами Евлампиева он не соглашается, полагая, что эта концепция «совсем другая, неже-

Иван Иванович Лапшин

¹ Чего только время не разрушает? (*лат.*)

² Прежде он также был оппонентом на защите Н. О. Лосского, а после — П. А. Сорокина.

ли ее представил читателю И. И. Евлампиев» [Ермичёв, 2015, с. 78]. Ермичёв замечает несогласие Лапшина с Франком по трем пунктам:

- слишком узкое понимание знания — оно может быть не только ясным, но и смутным, а даже в самых темных состояниях сознания есть зачатки познания;
- онтологизация знания — Франк превращает знание (включая «спящее») в самостоятельную онтологическую реальность («Всеединое»), подобно тому как Гегель превращал его в «Мировой Разум»;
- смешение интуитивного и рационального — Франк одновременно утверждает мистическое познание «Всеединого» и рациональный анализ мира.

Продолжение полемики вокруг статьи Лапшина можно видеть в полном собрании сочинений (ПСС) Франка [Франк, 2023] со стороны исследователей Г. Е. Аляева, К. М. Антонова и Т. Н. Резвых. Хотя Зеньковский, автор строк «о философии Франка как высшей точке развития русской мысли, повторение которого можно встретить в любом наугад выбранном сочинении о Франке» [Плотников, 2002], перечисляет рецензию «Мистический рационализм проф. Франка» в ряду «философски существенных этюдов» [Зеньковский, 2001, с. 652], в новом издании она не просто, как писал А. Шитов, не принимается во внимание [Лапшин, 2015, с. 268], но даже интерпретируется как идеологически ангажированная. Так, во вступительной статье к публикации указывается, что «его характеристика философии Франка как “мистического рационализма” прозвучала в 1922 г. в унисон с теми обвинениями, исходя из которых как раз и предполагалось “подобных господ выслать за границу безжалостно”» [Аляев, Антонов, Резвых, 2023, с. 99].

Действительно, «мистический рационализм» — это едва ли положительная характеристика. Но критика Лапшина связана не с «идеологическим наступлением буржуазии», которую позднее за «философским языком богословия, онтологии, мистического рационализма (и еще чего-то там)» [Баммель, 1922, с. 35] увидел, например, советский философ Г. К. Баммель, а с предполагаемым формальным противоречием между мистицизмом и рационализмом в системе Франка. По содержанию рецензия Лапшина вполне укладывается в актуальное и по сей день направление философских исследований, сформированное более чем за 20 лет до этой рецензии:

В России, где с философской мысли еще так недавно «спали тяжкие оковы» и где интерес к философии принял столь значительные размеры, было бы желательно, наряду с предоставлением самой широкой свободы для развития всех возможных философских направлений, организовать систематическое

изучение причин, порождающих метафизические иллюзии, с точки зрения критической философии, одновременно с теоретической разработкой этого направления. Нельзя оставлять без внимания ненормальности мысли, — надо бороться с ними, разумеется, путем знания, а не насилия. До последнего времени философия была физиологией ума, нужно, чтобы она стала также его патологией и терапией. В этом смысле можно будет сказать вместе с Цицероном — *Philosophia est medicina mentis*³.

[Лапшин, 1900, с. 83]

В статье «Мистический рационализм проф. С. Л. Франка» нет ни выражений, сродни «Идеолог контрреволюции», «Лидер самых непримиримых профессоров и интеллигентов», «Настало время уничтожить их раз и навсегда», «Как долго ЧК будет мириться с их деятельностью?» [Сорокин, 1992, с. 133], ни погромного духа вообще — только критическое прочтение. Так, в петроградской газете «Речь» от 16 мая 1916 года в неподписанной заметке под названием «Философский диспут» отмечается, что «[в] общем, примыкая к А. И. Введенскому, И. И. Лапшин видит в книге Франка предвзятую богословскую точку зрения, которая, последовательно проведенная, должна привести к тому же господству богословия над философией, которое характерно для средневековой схоластики» [Ермичѳев, 2015, с. 78]. Советский философ И. К. Луппол тоже отмечал, что «за современной философской видимостью Франка скрывается средневековая схоластика» [Луппол, 1990, с. 126]. Но Луппол, так же как и Баммель, нападал на Франка именно идеологически: в контексте классовой борьбы и с неременной апелляцией к авторитету Маркса, Энгельса, Ленина и Плеханова. Отличительное качество подобной критики замечательно описал академик Д. С. Лихачев. По этой логике, «в науке действуют две противостоящие воли: одна классово-приемлемая и другая классово-враждебная этой первой — соответствующей пролетарской идеологии» [Лихачев, 1991, с. 5]. Такое дихотомическое идеологическое прочтение, часто встречающееся именно в советскую эпоху, не только упрощает историко-философский дискурс, но и затрудняет понимание реального содержания интеллектуальных дискуссий, в которых было более двух полюсов. Даже резкая профессиональная критика — обвинение в «схоластике» — может быть содержательной, если она апеллирует к доказательности, а не к идеологически «правильным» авторитетам. Критика Лапшина, в свою очередь, была направлена против метафизики и ничего более. В конце концов, положения этой критики в своей основе не изменились с 1916 по 1922 год.

³ Философия есть врачевание ума (*лат.*). — Здесь и далее примеч. авт.

В ПСС Франка утверждается: «Надо признать, что тон рецензии Лапшина отличается определенной высокомерностью» [Аляев, Антонов, Резвых, 2023, с. 99]. Но Лапшин обнаруживает высокомерие у самого Франка. В чем он его усматривает? Согласно Лапшину, «...эмпиристов Франк мало уважает, а иногда относится к ним с *высокомерным пренебрежением*. Так, например, по адресу Маха говорится: “Учение, что опытное суждение есть только ‘анализ (или синтез) ощущений’, есть плод *поверхностного гносеологического дилетантизма* и должно быть раз навсегда изгнано из теории познания” (стр. 35). Но что же делать, если подобное учение *упирается и не хочет уходить* из сферы теории познания?! Четверть века тому назад эмпиризм был настолько модным учением, что, казалось, платонизм и в теории познания, и в психологии мышления похоронен раз навсегда. И, однако, что мы видим теперь? Платонизм воскрес и не только представляет в лице Гуссерля, Наторпа, Когена последний “крик модерна” в теории познания, но и, — *risum teneatis*⁴! — проник в лоно психологических лабораторий. Франк спешит уплатить дань этой модной волне “антипсихологизма”, забывая, что эмпиризм жив, процветает в лице Джэмса, Маха, Авенариуса, Дьюи и др. и *требует к себе гораздо большего внимания*. Я боюсь, что высокомерие Франка к эмпиризму оттолкнет от его интересной книги многих искренних любителей философии» [Лапшин, 1922, с. 141].

«По его [Лапшина] словам, Франк стоит на “допотопной” точке зрения в понимании кантовской вещи в себе» [Аляев, Антонов, Резвых, 2023, с. 99], — отмечается далее в ПСС. Допотопность, которую здесь обнаруживает Лапшин, заключается в аффицировании сознания вещью в себе. Но что же писал об этом сам Кант?

Если из эмпирического познания устранить всякое мышление (посредством категорий), то не останется никакого знания о каком бы то ни было предмете, т. к. посредством одних лишь созерцаний ничто не мыслится, и то обстоятельство, что это аффицирование чувственности происходит во мне, не создает еще никакого отношения подобных представлений к какому-либо объекту. Если же я устраню [из мышления] всякое созерцание, то у меня все же останется еще форма мышления, т. е. способ определения предмета для многообразного [содержания] возможного созерцания. Поэтому категории в этом смысле простираются дальше [сферы] чувственного созерцания, т. к. они мыслят объекты вообще, не обращая внимания на особый вид (чувственности), каким они мо-

⁴ удержитесь ли от смеха (*лат.*).

гут быть даны. Но этим категории не определяют более широкой области предметов, т. к. допустить, что такие предметы могут быть даны, можно не иначе, как предположив возможность созерцания, отличного от чувственного, но на это мы не имеем никакого права.

[Кант, 2020, с. 182–183]

Критика Лапшина сводится к тому, что вещь в себе не есть допонятийное основание вещей, а является источником раздражения для разума. Она есть «невозможное задание для разума» [Лапшин, 1922, с. 145]. Так, исследователь В. Белов отмечает, что, согласно Франку, «следует прибегать к понятиям, чтобы их же и отрицать с целью выйти на допонятийную или сверхпонятийную их основу» [Белов, 2023, с. 8]. Другими словами, у Франка кантовская вещь в себе необходимо существует только для того, чтобы быть отброшенной, и, хотя этого не сделал сам Кант, это должно быть сделано. Эти воззрения могут апеллировать не только к Якоби или Фихте, но и к истории неокантианства, которое повторило путь к Гегелю⁵. Однако, как указывал С. В. Лурье, «...Лейбниц, Кант, Гегель, Шопенгауэр не потому расходились в своих воззрениях, что одни мыслили истинно, а другие ложно. Разум, т. е. способность комбинировать идеи, у всех упомянутых философов был достаточно изощренный, чтобы не допускать ошибок» [Лурье, 1921, с. 173]. Подобный строго эволюционистский прогрессистский взгляд делает из, например, Фихте своеобразный канат, протянутый между Кантом и Гегелем. В таком случае автор, согласно М. К. Мамардашвили, просто «занимает место бабочки на какой-то ступеньке эволюции» [Мамардашвили, 2002, с. 11]. В данном случае спорность этого взгляда заключена не в том, что вещь в себе не должна пониматься подобным образом, а в том, что вещь в себе может просто пониматься иначе, чем у Франка (то есть вводится не только для того, чтобы быть отброшенной), и тогда допонятийность или сверхпонятийность вещи в себе в знании становится опциональной и оперировать ею так, как если бы она не была обязательной, уже нельзя.

Вещь в себе Франка и вещь в себе Канта — это два вполне различных понятия, которыми авторы оперируют тоже по-разному. Если соотнести положения Франка с критическими замечаниями Лапшина, то это позволит избежать искажения его критики, что, в свою очередь, поможет воссоздать авторскую концепцию.

Наиболее яркий пример искажения мысли Лапшина в ПСС представлен здесь:

⁵ Подробнее см.: [Давыдов, 2002].

Франк, по словам Лапшина, смешивает «в одну кучу трансубъективное и трансцендентное»; ему «не приходит в голову, что современный критицизм весьма далек от сенсуализма» и вообще надо «несколько отрезвить его от философского партикуляризма», так как «для Франка непостижимо, как находятся такие глупые люди, которые осмеливаются инако мыслить». Приходится сказать, что последнее утверждение Лапшина не просто предвзято, но прямо звучит (опять же — это 1922 год!) как какой-то навет. Во всяком случае, оно явно противоречит словам почти всех иных рецензентов, подчеркивающих как раз примирительную тенденцию мысли Франка. Обвинить Франка в нетерпимости к инакомыслию — это надо было быть уж слишком нетерпимым к нему лично. Говорить далее о рецензии Лапшина — это значит лишь продолжать наталкиваться на подобные сарказмы, чем-то напоминающие философский стиль автора процитированного выше письма, как раз в это время решившего «очистить Россию надолго» как от Франка, так и от авторов питерской «Мысли».

[Аляев, Антонов, Резвых, 2023, с. 99–100]

Итак, почему Лапшин пишет о неразличении у Франка трансубъективного (лежащего за границей субъекта) и трансцендентного (недоступного для эмпирического познания)? Чтобы говорить о смешении, что-то трансубъективное должно стать трансцендентным, либо наоборот. Франк комментирует свое понимание этой проблемы следующим образом:

В пределах идеализма здесь возможны лишь два решения: либо признать понятие предмета как чего-то, выходящего за пределы представлений, вообще противоречивым и невозможным, т. е. отрицать не только познаваемость, но и саму мыслимость «предмета», либо же допустить, что это «нечто непредставляемое», будучи доступно сознанию, тем самым лежит в пределах сознания и, следовательно, в более широком смысле тоже только субъективно.

[Франк, 2023, с. 160]

Первое решение Франк наблюдает у Беркли и находит его «несостоятельным»: «...простое описание смысла любого знания говорит нам, что предмет есть не что иное, как представление, что, например, предмет не возникает и не исчезает вместе с моим представлением о нем, а имеет длительное бытие» [Франк, 2023, с. 163]. Второе решение мыслитель наблюдает у Канта, и, согласно Франку, «он захватывает проблему предмета глубже, чем чисто отрицательная теория Беркли» [Франк, 2023, с. 164]. По этому решению, «предмет есть действительно нечто отличное от представления; но так как предмет как

бытие, трансцендентное сознанию, нам абсолютно недоступен, то остается допустить, что представлениями не исчерпывается мое сознание, а что имеются еще иные, имманентные формы сознания, которые выражаются в идее предмета как чего-то, отличного от представлений» [Франк, 2023, с. 164]. Таким образом, согласно Франку, у Беркли транссубъективное становится трансцендентным, а у Канта трансцендентное перестает быть собой и становится транссубъективным.

Франк, как он сам полагает, следует здесь за Кантом, за тем лишь исключением, что вслед за Фихте отбрасывает вещь в себе. Вопрос о том, «насколько это решение правильное (возможное и необходимое)?», никак не меняет того факта, что Франк действительно делает из трансцендентного транссубъективное. У Франка тоже «нечто непредставляемое», будучи доступным сознанию, тем самым уже лежит в пределах сознания и, следовательно, просто лежит за границей субъекта. И Лапшин только констатирует это. Он негативно относится к этому смешению, но у Франка оно действительно присутствует и, согласно самому Франку, присутствует у Беркли и Канта. Согласно Лапшину, у Канта этого нет. «Как дешево можно было бы в таком случае опровергнуть критицизм» [Лапшин, 1922, с. 145], — отмечает он. Не столь важно, кто здесь выражает подлинное кантианство — Лапшин или Франк. Помимо того, что оба философа слишком оригинальны в собственном творчестве, они также оба весьма критично⁶ подходят к творчеству Канта, чтобы можно было свести их мысль к единственно возможному развитию его мысли.

Точно так же Лапшин, по собственному мнению, пытается отрезвить от партикуляризма Франка. И делает это не из-за того, что «для Франка непостижимо, как находятся такие глупые люди, которые осмеливаются иначе мыслить» — это только вывод Лапшина⁷, — а из-за предполагаемого Франком, согласно Лапшину, тождества между «неопровержимостью» и «достоверностью».

⁶ Пожалуй, называть кантианцем Франка даже в течение его «кантианского» периода — это преувеличение. С большим успехом его можно было бы называть фихтеанцем (см. подробнее: [Беграббеков, 2022, р. 68–69]). В отношении кантианства Лапшина характерно то же, что и для кантианства Введенского: при всей абстрактности термина кантианства/неокантианства Введенский и Лапшин были кантианцами еще в меньшей мере, чем их западные коллеги. Более того, в отличие от Канта и неокантианцев Марбурга и Баадена, русские неокантианцы не строили систему кантианства, а сосредотачивали свое внимание на критицизме. Подробнее по этой теме в творчестве Введенского см.: [Белов, 2013, с. 74–92]. Лапшин в этом смысле был кантианцем исключительно в смысле критики метафизики. Причем он критиковал ее в еще более радикальной форме, чем А. Введенский.

⁷ К похожему выводу приходили также С. В. Лурье, В. Ф. Эрн и П. С. Юшкевич. Относительно критики Лурье подробнее см.: [Беграббеков, 2023]. У Эрна и Юшкевича даже встречается одинаковый сравнительный образ: для обоих нечто Абсолютное Франка сродни Альдонсе, которую называют Дульсинеей Тобосской [Эрн, 1911, с. 139; Юшкевич, 1916].

В сущности, о снятии того же тождества писал Б. Рассел в примере о чайнике на орбите. Поэтому, когда Лапшин говорит об отрезвлении от философского партикуляризма, то он не призывает к расстрелу или изгнанию Франка, а, так же как и позднее Рассел, просто снимает это тождество: если что-то нельзя опровергнуть, то это не является доказательством достоверности.

Обратимся к самой цитате Лапшина:

Положение Лейбница, что мир для меня есть phaenomenon bene fundatum, закономерно упорядоченная совокупность феноменов, включающая бесконечность пространства и времени и вполне отличимая по содержанию от субъективных грез и галлюцинаций, никогда не было опровергнуто никаким философом именно потому, что оно совершенно неопровержимо. Это положение есть чистейшее выражение принципа относительности. Для Франка непостижимо, как находятся такие глупые люди, которые осмеливаются инако мыслить. Дабы несколько отрезвить его от философского партикуляризма, я напому ему, что даже материалист Гольбах признает крайнюю трудность опровержения Беркли.

[Лапшин, 1922, с. 145–146]

Материалист Гольбах этого тождества не признает, но его, согласно Лапшину, признает Франк. Другими словами, то, что кантианцы не опровергли Якоби, вовсе не значит, что кантианцы были обязаны отбросить вещь в себе, чтобы остаться с истиной. То, что Якоби видел в Фихте необходимое развитие философии Канта⁸, не значит, что оно действительно является единственно необходимым. То, что Беркли крайне труден для опровержения даже для материалиста Гольбаха, не значит, что Гольбах признавал или должен был признавать правоту Беркли.

Можно ли считать критику Лапшина предвзятой? На наш взгляд, нет. В подтверждение сошлемся на самого Франка. Если критика диктуется «исключительно объективными мотивами» и отсутствуют следы смещения «идейного несогласия с нравственным опорочиванием» [Франк, 2020b, с. 254], то она не является примером философского партикуляризма. А вот что писал по адресу рецензируемой работы Лапшин: «Я нахожу основную идею книги проф. С. Л. Франка в корне ложной. Абсолют Франка — это “chimaera bombinans

⁸ Якоби пишет Фихте об этом так: «...я продолжаю, и прежде всего еще раз настойчивее и громче провозглашаю Вас царем среди иудеев спекулятивного разума, и грожу жестоким, дабы они признали Вас; кенигсбергского же Крестителя чтобы принимали как Вашего Предтечу» [Якоби, 2006, с. 211].

invasio”⁹ и тем не менее считаю его произведение *весьма талантливой* работой, обнаруживающей глубокое *знание предмета*, хотя и не разрешающей загадки *предмета знания*» [Лапшин, 1922, с. 152]. То есть критика несколько не мешает признанию заслуг, и наоборот. Исходя из этого, не ясно, почему Лапшину, человеку, по многочисленным отзывам, максимально аполитичному¹⁰, который критиковал метафизику к 1922 году уже более 20-ти лет, необходимо было перестать ее критиковать.

В действительности систематическая философская карьера Франка началась с работы «Предмет знания», и ее концептуальная значимость до выхода книги «Непостижимое» (1939) только росла. Помимо этого, период с 1918 по 1921 год, судя по библиографии Лапшина, совсем не был отмечен публикациями, из чего можно сделать вывод, что Лапшин как раз наоборот, не «вполне мог (...) опубликовать его [свой отзыв] ранее» [Аляев, Антонов, Резвых, 2023, с. 98]. 1922 год, напротив, был, пожалуй, наиболее продуктивным годом для Лапшина, только закончившего свой труд предшествующих четырех лет — «Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии». Более того, Лапшин не мог знать, что в 1922 году (на исходе Гражданской войны и в разгар НЭПа) окажется вместе с Франком изгнанником.

Успех метафизической философии, который, на взгляд Лапшина, был довольно симптоматичным, для представителей критической мысли в лице Введенского и его самого был равносителен догматической колыбельной после того, как Иммануил Кант, наоборот, проснулся сам и разбудил всех в Европе. Неудивительно, что это неприятие приобрело форму войны. Сам Франк, вспоминая конфликты с Введенским, отмечал, что «...с обеих сторон война не всегда оставалась на почве идейного спора, а слишком часто переходила в личные столкновения» [Франк, 2020с, с. 171]. Именно этим и объясняется некоторая резкость критики, а отнюдь не политической конъюнктурой.

В пользу того, что статья Лапшина была не столь предвзятой, несправедливой и несвоевременной, говорит и то, что Франк поздравлял ее автора с юбилеем следующими словами:

Среди мрака и тягчайших бедствий современной России, перед лицом попыток радикального истребления и удушения всякого проявления независимой

⁹ «химера, жужжащая в пустоте» (*лат.*).

¹⁰ В попытке спасти Лапшина от эмиграции за него подало ходатайство множество разных людей и организаций, настаивающих на абсолютной его аполитичности. При этом ни одно из прошений не апеллировало к статье «Мистический рационализм С. Франка» как к доказательству политической благонадежности, что заставляет еще раз усомниться в ангажированности этой работы (КР РИИИ. Ф. 57. Оп. 1. № 17. Л. 1–14).

мысли и духовной жизни, отрадно сознавать, что русская философская мысль, нашедшая себе приют за рубежом, еще жива и имеет таких представителей, как Н. О. Лосский и И. И. Лапшин.

[Франк, 2021, с. 246]

Это можно было бы списать на тактичность Франка. Однако также нет свидетельств того, что Лапшин мешал карьере Франка. Есть только свидетельства обратному, причем как в России (как это указывал Г. Е. Аляев) [Аляев, 2021, с. 102], так и в эмиграции (как это указывала Т. Оболевич) [Оболевич, 2022, с. 174–188]. При этом даже если допустить, что Лапшин «был слишком нетерпимым к нему лично», то это все равно не влияет на научное содержание его критики. Едва ли можно сравнивать такую критику с критикой и призывами к изгнанию, характерными для В. И. Ленина. Применение *Reductio ad Leninum* к философу-критицисту, которому всегда претила метафизика в философии, представляется избыточным. В конце концов, похожим образом можно было бы обвинить Э. Л. Радлова и Н. О. Лосского как руководителей журнала Петербургского философского общества «Мысль» [Синельникова, Соболев, 2016, с. 165], что они пропустили этот «навет».

Возможно, подобные коннотации обусловлены тем, что статья И. И. Лапшина «Мистический рационализм Франка» (Мысль, 1922, № 3) была представлена в качестве отзыва о книге С. Л. Франка «Предмет знания» (1915) в Петербургскую академию наук и удостоена денежной премии [Пустырников, 1999, с. 341]. Вместе с тем данное обстоятельство нуждается в дополнительном уточнении. Книга «Предмет знания» была подана автором на соискание премии М. Н. Ахматова в Российскую академию наук [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24]. Она рассматривалась Академией в 1918 году. По правилам премии, книга должна была получить рецензию от кого-то из членов Академии¹¹. Отзыв на книгу Франка было предложено написать Лапшину¹², и в ноябре 1918 года его рецензия поступила в Комиссию по премии [СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 48]. В итоге Франку была присуждена премия в 750 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 18. Ед. хр. 2], а Лапшину — золотая рецензентная медаль [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 20. Ед. хр. 26]. Однако из-за трудностей военного и революционного времени изготовить медали сразу было невозможно, поэтому Академия предложила

¹¹ По оценкам историка Б. С. Кагановича, до конца 1920-х годов «Академия наук была, вероятно, самым автономным и независимым учреждением в Советском Союзе» [Каганович, 2002, с. 59].

¹² Лапшин был рецензентом работ, представленных на соискание премии имени Ахматова еще в 1913 году [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 29].

рецензентам выбор: или дождаться медалей, или получить вместо них некую «известную» сумму. Лапшин выбрал последнее.

«Философский пароход» для Франка и других веховцев случился все-таки не из-за возрождения метафизики, что вполне предсказуемо не приветствовалось гонителями «опиума народа», а из-за полярной политической позиции. Так, В. К. Кантор замечает, что «*Правда* комментировала высылку ученых следующим образом: “Среди высланных нет крупных научных имен. В большинстве это — политиканствующие элементы профессуры, которые гораздо более известны своей принадлежностью к кадетской партии, чем своими научными заслугами”» [Кантор, 2012, с. 13–14]. Не имеет значения статус этих научных имен — не наука и не Абсолют изгоняли пассажиров «философского парохода», а большевики. И изгоняли они не «крупные научные имена», а именно «политиканствующих элементов профессуры». Именно так советская власть их воспринимала и именно в этом качестве их высылала.

Поводом для высылки Франка послужил сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы» (1922), охарактеризованный Лениным как «литературное прикрытие “белогвардейской организации”» [Кантор, 2012, с. 13–14]. Однако у Ленина были и старые счеты с веховцами. Он писал:

Демократическое движение и демократические идеи не только политически ошибочны, не только тактически неуместны, но и морально греховны, — вот к чему сводится истинная мысль «Вех», ровно ничем не отличающаяся от истинных мыслей Победоносцева. Победоносцев только честнее и прямее говорил то, что говорят Струве, Изгоевы, Франки и К°.

[Ленин, 1998, с. 500]

Все дожившие до 1922 года веховцы, за исключением Гершензона, оказались пассажирами «философского парохода». Однако Гершензон еще во времена «Вех» сильно выбивался из ряда авторов¹³, а к 1922 году уже сильно болел и несколько встроился в советскую систему¹⁴. Что касается Франка, то

¹³ Позднее Франк вспоминал: «...я, шутя, как-то сказал Гершензону, что мы, собственно, имели намерение напасть друг на друга и что только потому, что в промежутке между нами стояла “русская интеллигенция”, мы принялись совместно, но с разных сторон, наносить ей удары» [Франк, 1954, с. 14].

¹⁴ Поведение Гершензона, в котором тогда видели «приспособление и соглашательство», не только помогло продолжить академическую карьеру — в 1920–1921 годах он стал членом бюро Литературного отдела Наркомпроса, членом коллегии 4-й секции Главархива, а с 1921 года стал заведующим литературной секцией Государственной академии художественных наук, — но и дало ему возможность помогать многим обездоленным, чем он не преминул пользоваться [Ходасевич, 1996, с. 101].

его разгромная рецензия на книгу Ленина, лелеющая надежду, что эта книга «пойдет на макулатуру» [Франк, 2020а, с. 252], возможно, сама стала причиной публичной реакции Ленина на «Вехи» [Сапов, 1998, с. 15] и, очевидно, шансов на спокойную жизнь при советской власти отнюдь ни прибавила. Более того, история враждебных взаимоотношений с Лениным еще более старая: именно Ленин поучаствовал в том, чтобы Франк «имел честь быть обруганным и оплеванным самым великим инквизитором российского (да и европейского) ортодоксального марксизма — Жоржем (Пл(еханов)ым)» [Франк, 2006, с. 43]. Ленин не только направил Плеханову копию книги Франка, но и попросил того написать рецензию [Аляев, 2017, с. 37].

Все-таки большевистский гуманизм для многих пассажиров «философского парохода» оказался лучшей альтернативой, чем отсутствие какого-либо гуманизма вообще. Вменяемое «нежелание примириться и работать с советской властью» [Осоргин, б. г.] в отношении Франка и других веховцев представляется достаточно точным, потому что работать с советской властью значило работать *на* советскую власть. Франк в 1918 году — на первом году воцарившегося большевизма — писал о том, что не мог и предположить той страшной бездны, в которую «[мы] провалились и в которой беспомощно барахтаемся» [Франк, 2010, с. 169]. Однако работать *на* советскую власть он, наверное, все-таки не стал бы. Франк позднее довольно прямо заявлял в письме к Эйнштейну, как он представлял свое возвращение в Россию. Несмотря на все испытания эмиграции, работать *на* советскую власть даже в рамках мысленного эксперимента он все равно не собирался: «Я готов вернуться в Россию, воздерживаться от любой политической деятельности и даже от любого политического высказывания в том случае, если советское правительство со своей стороны публично гарантирует Вам, что я получу кафедру в русском университете и смогу свободно обучать своим философским убеждениям» [Переписка С. Л. Франка и А. Эйнштейна, 2018, с. 124]. Франк понимал, что причиной высылки была его политическая деятельность начала XX века и препятствием к его возвращению была именно она. Поэтому сложно предположить, что «философский пароход» оказался для него, в отличие от аполитичного Лапшина¹⁵, бóльшим злом, чем неминуемый расстрел.

Представляется, что статья Лапшина являлась просто частью научной полемики. Его критическое отношение к «мистическому рационализму» Фран-

¹⁵ Лапшин в списке на высылку оказался без причины, а поводом стало то, что он (так же как Лосский и Л. П. Карсавин) «[п]олучал материальную поддержку через Таганцева (руководителя военного заговора) от зарубежной белой организации» [Главацкий, 2002, с. 188]. Из 253 томов этого дела рассекречены только 3, но, исходя из доступных на сегодняшний день данных, наиболее логичным объяснением кажется то, что Таганцев оказывал анонимную помощь голодающим ученым Петрограда, к числу которых относился и Лапшин [Черняев, 2011].

ка и метафизике в целом не связано с политическим контекстом эпохи. Более простой и доказуемой причиной интереса Лапшина к любого рода «мистическому» можно найти в его биографии. Родители Лапшина были сильно увлечены спиритизмом, и на их сеансы регулярно ходил В. С. Соловьев [Мочульский, 2002, с. 574], системе которого Лапшин в своей статье уподобил систему Франка. Вероятно, Лапшин, дистанцировавшись от собственного участия в подобных мероприятиях, продолжил испытывать к ним интерес как к явлениям «метафизических иллюзий».

Объективно статья Лапшина представляет большой интерес для исследователей творчества Франка. Критика является необходимой частью любого философского дискурса. Более того, как отмечала Ю. Б. Мелих, исторически «как раз взаимное неприятие и создавало поле дискурса. Трудно представить себе судьбу журнала “Логос”, если бы на него не было такой бурной реакции. Опять же трудно себе представить, что Лапшин, защитивший диссертацию именно в России по неокантианству и развивающий логицизм, говорит о “незабвенном” Соловьеве — и религиозная философия входит в круг его осмысления (...). Поэтому, казалось бы, противоположные и разнообразные направления философской мысли в России представляют собой все-таки целостный феномен. Одно без другого трудно представить. Мы можем их рассматривать отдельно, но нельзя сказать, что они самодостаточны, что они смогли бы развиваться самостоятельно» [Конференция — «круглый стол» ... , 2014, с. 20].

Если исторически разные философские течения сталкивались и формировались в столкновениях, то это значит, что изучение данной полемики сегодня также не может быть выборочным и локальным, а должно предполагать целостное и непредвзятое описание.

Список источников

Аляев Г. Е. С. Л. Франк и А. И. Введенский: страницы философского общения (предисловие к некрологу) // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2021. Вып. 1 (9). С. 99–118.

doi: 10.31119/phlog.2021.1.135.

Аляев Г. Е., Антонов К. М., Резвых Т. Н. Предисловие. С. Л. Франк: «Предмет знания» // Франк С. Л. Полное собрание сочинений / под общ. ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. М.: Изд-во ПСТГУ, 2023. Т. 5: Предмет знания. С. 5–109.

Аляев Г. Е. Семен Франк. СПб.: Наука, 2017. 255 с.

Баммель Г. К. Сумерки идеалистической философии // Печать и революция. 1922. № 2. С. 22–37.

Беграмбеков А. Л. Эволюция взглядов С. Франка на культуру и религию в контексте полемики с С. Лурье // *Вопр. философии*. 2023. № 5. С. 142–150. doi: 10.21146/0042-8744-2023-5-142-150.

Белов В. Н. А. И. Введенский — родоначальник русского неокантианства // *Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин* / под ред. В. Н. Брюшинкина, В. С. Поповой. М.: РОССПЭН, 2013. С. 74–92.

Главацкий М. Е. «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 224 с.

Давыдов Ю. Н. Поздний В. Виндельбанд: запоздалое тяготение к теоретико-методологическому синтезу. Неокантианство на пути к неогегельянству // *История теоретической социологии*. В 4-х т. / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Канон+, 2002. Т. 2. С. 437–454.

Ермичѳв А. А. Магистерская диссертация С. Л. Франка и ее критики // *Соловьѳвские исследования*. 2015. № 4 (48). С. 67–86.

Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект; Раритет, 2001. 652 с.

Каганович Б. С. Российская академия наук в 1920 — начале 1930-х гг. (по материалам архива С. Ф. Ольденбурга) // *За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки* / под ред. М. Хайнеманна, Э. И. Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 56–71.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Академический проект, 2020. 567 с.

Кантор В. К. Федор Степун: хранитель высших смыслов, или Сквозь катастрофы XX века // *Федор Августович Степун* / сост. В. К. Кантор. М.: РОССПЭН, 2012. С. 5–33.

Конференция — «круглый стол» «Философия России первой половины XX века» // *Вопр. философии*. 2014. № 7. С. 3–38.

Лапшин И. И. Кант и современная философия (по поводу 200-летия со дня рождения Э. Канта) / публ., вступ. ст. и примеч. А. В. Шитова // *Вестн. РХГА*. 2015. Т. 16, № 3. С. 268–278.

Лапшин И. И. Мистический рационализм проф. С. Л. Франка // *Мысль*. 1922. № 3. С. 140–153.

Лапшин И. И. О психологическом изучении метафизических иллюзий // *Жизнь*. 1900. № 1. С. 72–83.

Ленин В. И. О «Вехах» // *Вехи: pro et contra* / под ред. В. В. Сапова. СПб.: Изд-во РХГА, 1998. С. 496–503.

Лихачев Д. С. Предисловие // *Репрессированная наука* / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. С. 5–9.

Луппол И. К. Рецензия на книгу С. Л. Франка «Введение в философию в сжатом изложении» // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / сост. П. В. Алексеев. М.: Политиздат, 1990. С. 123–126.

Лурье С. В. Два пути (Философия идеи и философия переживания) // Современные записки. 1921. Кн. VII. С. 162–187.

Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002. 320 с.

Мочульский К. В. Владимир Соловьев: Жизнь и учение // Вл. Соловьев: PRO ET CONTRA. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 556–829.

Оболевич Т. Участие С. Л. Франка в Восьмом международном философском конгрессе в Праге // Философский журнал. 2022. Т. 15, № 2. С. 174–188. doi: 10.21146/2072-0726-2022-15-2-174-188.

Осоргин М. А. Как нас уехали. URL: <https://ihst.ru/projects/sohist/document/report/osorgin.htm> (дата обращения: 15.03.2025).

Переписка С. Л. Франка и А. Эйнштейна / публ. писем С. Л. Франка Т. Оболевич и А. Цыганкова; публ. писем А. Эйнштейна В. Хазана и В. Янцена; пер. с нем. Т. Оболевич, А. Цыганкова, В. Янцена; предисл. и коммент. Т. Оболевич и А. Цыганкова // Вопр. философии. 2018. № 11. С. 117–141.

Плотников Н. С. Философия для внутреннего употребления // Неприкосновенный запас. 2002. № 2 (22). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/plotnjik.html> (дата обращения: 08.08.2024).

Пустырников В. Ф. И. И. Лапшин как философ, исследователь научного и художественного творчества // *Лапшин И. И.* Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М.: Республика, 1999. С. 340–355.

Сапов В. В. Вокруг «Вех» (Полемика 1909–1910 годов) // Вехи: pro et contra / под ред. В. В. Сапова. СПб.: Изд-во РХГА, 1998. С. 2–17.

Синельникова Е. Ф., Соболев В. С. Воскрешая величавые образы мыслителей: Из истории Петербургского философского общества (1897–1923) // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 150–166.

Сорокин П. А. Дальняя дорога. М.: Терра, 1992. 315 с.

Франк С. Л. [Рец. на:] Вл. Ильин. Материализм и эмпириокритицизм // *Франк С. Л.* Полное собрание сочинений / под общ. ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020а. Т. 3: 1908–1910. С. 251–252.

Франк С. Л. Дневник Семена Людвиговича Франка // С. Л. Франк. Саратовский текст / сост. А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. С. 16–111.

Франк С. Л. Из истории русской общественной мысли начала XX века // Вестн. Русского студенческого христианского движения. 1954. № 3 (33). С. 13–19.

Франк С. Л. Культура и религия (По поводу статьи о «Вехах» С. В. Лурье) // Франк С. Л. Полное собрание сочинений / под общ. ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020b. Т. 3: 1908–1910. С. 254–271.

Франк С. Л. Памяти А. И. Введенского / републикация и критические замечания А. А. Ермичёва // Соловьёвские исследования. 2020c. № 1 (73). С. 158–193. doi: 10.17588/2076-9210.2022.1.169-175.

Франк С. Л. Полное собрание сочинений / под общ. ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018– . Т. 1–5.

Франк С. Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. 1915 // Франк С. Л. Полное собрание сочинений / под общ. ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. М.: Изд-во ПСТГУ, 2023. Т. 5: Предмет знания. С. 109–538.

Франк С. Л. Юбилей двух русских философов // Вестн. РХГА. 2021. Т. 22, вып. 2. С. 245–246. doi: 10.2599WRHGA.202L22.Z038.

Франк С. Л. De profundis // Франк С. Л. Избранные труды / сост., автор вступ. ст. и коммент. С. Б. Роцинский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 169–190.

Ходасевич Владислав. Некрополь // Ходасевич Владислав. Некрополь. Воспоминания. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому / сост. С. Сильванович, М. Шатин; предисл. и коммент. Н. Богомолова; примеч. к письмам и заключ. ст. И. Андреевой. М.: СС, 1996. С. 19–175.

Черняев В. Н. Таганцевский заговор: к 90-летию нерассекреченного дела. 2011. URL: <https://web.archive.org/web/20190401122416/https://www.svoboda.org/a/24385412.html> (дата обращения: 19.05.2025).

Эрн Владимир. Культурное непонимание. Ответ С. Л. Франку // Эрн Владимир. Борьба за Логос. Опыт философии и критические. М.: Путь, 1911. С. 120–142.

Юшкевич П. О философах и философии (На диспуте С. Л. Франка) // День. 1916. № 134 (1294). 17 мая. С. 2.

Якоби Ф. Г. Письмо Ф. Г. Якоби к И. Г. Фихте (1799) // Гаман И. Г., Якоби Ф. Г. Философия чувства и веры / сост., вступ. ст., пер. с нем., прилож., коммент., примеч. С. В. Волжин. СПб.: [б. и.], 2006. С. 206–264.

Begrambekov Alexander. Georg Simmel and Semyon Frank: from Kant to Lebensphilosophie // Russian Sociological Review. 2022. Vol. 21, no. 4. P. 57–81. doi: 10.17323/1728-192x-2022-4-57-81.

Архивы

КР РИИИ — Кабинет рукописей Российского института истории искусств;
СПбФ АРАН — Санкт-петербургский филиал Архива Российской академии наук.

References

Alyaev, G. E. (2021) “S. L. Frank i A. I. Vvedenskii: stranitsy filosofskogo obshcheniya (predislovie k nekrologu)” [“S. L. Frank and A. I. Vvedensky: Pages of Philosophical Communication (Preface to the Obituary)”], *Filosofskii polilog: Zhurnal Mezhduнародного tsentra izucheniya russkoi filosofii* [*Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy*], 1(9), pp. 99–118.

doi: 10.31119/phlog.2021.1.135.

Alyaev, G. E., Antonov, K. M. and Rezvykh, T. N. (2023) “Predislovie. S. L. Frank: ‘Predmet znaniya’” [“Preface. S. L. Frank: ‘The Object of Knowledge’”], in Frank, S. L. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 5: Predmet znaniya* [*Complete Works. Vol. 5: The Object of Knowledge*]. Moscow: PSTGU, pp. 5–109.

Alyaev, G. E. (2017) *Semen Frank* [*Semyon Frank*]. St. Petersburg: Nauka.

Bammel', G. K. (1922) “Sumerki idealisticheskoi filosofii” [“Twilight of Idealistic Philosophy”], *Pechat' i revoliutsiia* [*Printing and Revolution*], 2, pp. 22–37.

Begrambekov, A. L. (2023) “Evolyutsiya vzglyadov S. Franka na kul'turu i religiyu v kontekste polemiki s S. Lur'e” [“The Evolution of S. Frank's Views on Culture and Religion in the Context of the Polemic with S. Lurye”], *Voprosy filosofii* [*Questions of Philosophy*], 5, pp. 142–150.

Belov, V. N. (2013) “A. I. Vvedenskii — rodonachal'nik russkogo neokantianstva” [“A. I. Vvedensky — Founder of Russian Neo-Kantianism”], in *Neokantianstvo v Rossii: Aleksandr Ivanovich Vvedenskii, Ivan Ivanovich Lapshin* [*Neo-Kantianism in Russia: Alexander Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin*]. Moscow: ROSSPEN, pp. 74–92.

Glavatskii, M. E. (2002) “*Filosofskii parokhod*”: god 1922-i: *Istoriograficheskie etyudy* [“*The Philosophers Steamship*”: *The Year 1922: Historiographical Sketches*]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Davydov, Yu. N. (2002) “Pozdnii V. Vindel'band: zapozdaloe tyagotenie k teoretiko-metodologicheskomu sintezu. Neokantianstvo na puti k neogegel'yanstvu” [“Late W. Windelband: A Belated Gravitation Toward Theoretical-Methodological Synthesis. Neo-Kantianism on the Path to Neo-Hegelianism”], in *Istoriya teoreticheskoi sotsiologii. V 4-kh tomakh. Tom 2* [*History of Theoretical Sociology. In 4 Vols. Vol. 2*]. Ed. by Yu. N. Davydov. Moscow: Kanon+ Publishing House, pp. 437–454.

Ermichev, A. A. (2015) “Magisterskaya dissertatsiya S. L. Franka i ee kritiki” [“S. L. Frank's Master's Thesis and Its Critics”], *Solov'evskie issledovaniya* [*Soloviev's Research*], 4(48), pp. 67–86.

Zenkovsky, V. V. (2001) *Istoriya russkoi filosofii* [*History of Russian Philosophy*]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Raritet.

Kaganovich, B. S. (2002) “Rossiiskaya akademiya nauk v 1920 — nachale 1930-kh gg. (po materialam arkhiva S. F. Ol'denburga)” [“The Russian Academy of Sciences in the 1920s — Early 1930s (Based on Materials from S. F. Oldenburg’s Archive)”], in *Za “zheleznyy zavesom”: Mify i realii sovetskoi nauki [Behind the “Iron Curtain”: Myths and Realities of Soviet Science]*. M. Heinemann and E. I. Kolchinsky (eds). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, pp. 56–71.

Kant, I. (2020) *Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]*. Translated from the German by N. O. Lossky. Moscow: Akademicheskii proekt.

Kantor, V. (2012) “Fedor Stepun: khranitel’ vysshikh smyslov, ili Skvoz’ katastrofy XX veka” [“Fedor Stepun: Guardian of Higher Meanings, or Through the Catastrophes of the 20th Century”], in *Fedor Avgustovich Stepun*. Comp. by V. K. Kantor. Moscow, pp. 5–33.

“Konferentsiya — ‘kruglyi stol’ ‘Filosofiya Rossii pervoi poloviny XX veka’” [“Conference — ‘Round Table’ ‘Philosophy of Russia in the First Half of the 20th Century’”] (2014) *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 7, pp. 3–38.

Lapshin, I. I. (2015) “Kant i sovremennaya filosofiya (po povodu 200-letiya so dnya rozhdeniya E. Kanta)” [“Kant and Modern Philosophy (On the 200th Anniversary of E. Kant’s Birth)”], *Vestnik RKhGA [Bulletin of RKhGA]*, 16(3), pp. 268–278.

Lapshin, I. I. (1922) “Misticheskii ratsionalizm prof. S. L. Franka” [“Mystical Rationalism of Prof. S. L. Frank”], *Mysl’ [Mysl’]*, 3, pp. 140–153.

Lapshin, I. I. (1900) “O psikhologicheskom izuchenii metafizicheskikh illyuzii” [“On the Psychological Study of Metaphysical Illusions”], *Zhizn’ [Life]*, 1, pp. 72–83.

Lenin, V. I. (1998) “O ‘Vekhakh’” [“On ‘Landmarks’”], in *Vekhi: pro et contra [Landmarks: Pro et Contra]*. St. Petersburg: RKhGA, p. 496–503.

Likhachev, D. S. (1991) “Predislovie” [“Preface”], in *Repressirovannaya nauka [Repressed Science]*. Ed. by M. G. Yaroshevsky. Leningrad: Nauka, pp. 5–9.

Luppol, I. K. (1990) “Retsenziya na knigu S. L. Franka ‘Vvedenie v filosofiyyu v szhatom izlozhenii’” [“Review of S. L. Frank’s ‘Introduction to Philosophy in a Condensed Form’”], in *Na perelome. Filosofskiye diskussii 20-kh godov: Filosofiya i mirovozzreniye [At the Turning Point: Philosophical Discussions of the 1920s]*. Comp. by P. V. Alekseyev. Moscow: Politizdat, pp. 123–126.

Lurie, S. V. (1921) “Dva puti (Filosofiya idei i filosofiya perezhivaniya)” [“Two Paths (Philosophy of Idea and Philosophy of Experience)”], *Sovremennye zapiski [Modern Notes]*, VII, pp. 162–187.

Mamardashvili, M. K. (2002) *Kantianskie variatsii [Kantian Variations]*. Moscow: Agraf.

Mochulskii, K. V. (2002) “Vladimir Solov’ev. Zhizn’ i uchenie” [“Vladimir Solovyov: Life and Doctrine”], in *Vl. Solov’ev: PRO ET CONTRA*. St. Petersburg: Izdatel’stvo

Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta [Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute], pp. 556–829.

Obolevich, T. (2022) “Uchastiye S. L. Franka v Vos’mom mezhdunarodnom filosofskom kongresse v Prage” [“S. L. Frank’s Participation in the Eighth International Congress of Philosophy in Prague”], *Filosofskiy zhurnal [Philosophy Journal]*, 15(2), pp. 174–188. doi: 10.21146/2072-0726-2022-15-2-174-188.

Osorgin, M. (no date) *Kak nas uekhali [How We Were Taken Away]*. Available at: <https://ifap.ru/library/gost/7052008.pdf> (Accessed: 15 March 2025).

“Perepiska S. L. Franka i A. Einshteina” [“Correspondence of S. L. Frank and A. Einstein”] (2018) *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 11, pp. 117–141.

Plotnikov, N. S. (2002) “Filosofiya dlya vnutrennego upotrebleniya” [“Philosophy for Internal Use”], *Neprikosnovennyi zapas [Emergency Reserve]*, 2(22). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/plotnjik.html> (Accessed: 8 August 2024).

Pustyrnakov, V. F. (1999) “I. I. Lapshin kak filosof, issledovatel’ nauchnogo i khudozhestvennogo tvorchestva” [“I. I. Lapshin as Philosopher and Researcher of Scientific and Artistic Creativity”], in Lapshin, I. I. *Filosofiya izobreteniya i izobretenie v filosofii: Vvedenie v istoriyu filosofii [Philosophy of Invention and Invention in Philosophy: Introduction to the History of Philosophy]*. Moscow: Respublika, pp. 340–355.

Sapov, V. V. (1998) “Vokrug ‘Vekh’ (Polemika 1909–1910 godov)” [“Around ‘Landmarks’ (The Polemic of 1909–1910)”], in *Vekhi: pro et contra [Landmarks: Pro et Contra]*. St. Petersburg: RKhGA, pp. 2–17.

Sinelnikova, E. F. and Sobolev, V. S. (2016) “Voskreshaya velichavye obrazy myslitelei: Iz istorii Peterburgskogo filosofskogo obshchestva (1897–1923)” [“Resurrecting the Majestic Images of Thinkers: From the History of the St. Petersburg Philosophical Society (1897–1923)”], *Petersburgskii istoricheskii zhurnal [Petersburg Historical Journal]*, 3, pp. 150–166.

Sorokin, P. A. (1992) *Dal’nyaya doroga [The Long Road]*. Moscow: TERRA.

Frank, S. L. (2020a) “[Retzenziya na:] Vl. Il’in. Materializm i empiriokrititsizm” [“[Review of:] Vl. Ilyin. Materialism and Empirio-Criticism”], in Frank, S. L. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 3: 1908–1910 [Complete Works. Vol. 3: 1908–1910]*. Moscow: PSTGU, pp. 251–252.

Frank, S. L. (2006) “Dnevnik Semena Lyudvigovicha Franka” [“Diary of Semyon Ludwigovich Frank”], in *Saratovskii tekst [Saratov Text]*. Saratov: Saratov University, pp. 16–111.

Frank, S. L. (1954) “Iz istorii russkoi obshchestvennoi mysli nachala XX veka” [“From the History of Russian Social Thought of the Early 20th Century”], *Vestnik Russkogo studencheskogo khristianskogo dvizheniya [Bulletin of the Russian Student Christian Movement]*, 3(33), pp. 13–19.

Frank, S. L. (2020b) “Kul'tura i religiya (Po povodu stat'i o ‘Vekhakh’ S. V. Lur'e)” [“Culture and Religion (Regarding S. V. Lurie’s Article About ‘Landmarks’)”], in Frank, S. L. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 3: 1908–1910* [Complete Works. Vol. 3: 1908–1910]. Moscow: PSTGU Publ., pp. 254–271.

Frank, S. L. (2020c) “Pamyati A. I. Vvedenskogo” [“In Memory of A. I. Vvedensky”]. Reprint and Critical Remarks by A. A. Yermichev, *Solov'evskie issledovaniya* [Soloviev’s Research], 1(73), pp. 158–193. doi: 10.17588/2076-9210.2022.1.169-175.

Frank S. L. (2018–) *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works] (vols 1–5). General eds: G. Ye. Alyaev, K. M. Antonov and T. N. Rezvykh. Moscow: PSTGU Publ.

Frank, S. L. (2023) “Predmet znaniya. Ob osnovakh i predelakh otvlechennogo znaniya” [“The Object of Knowledge: On the Foundations and Limits of Abstract Knowledge”], in Frank, S. L. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 5: Predmet znaniya* [Complete Works. Vol. 5: The Object of Knowledge]. Moscow: PSTGU Publ., pp. 109–538.

Frank, S. L. (2021) “Yubilei dvukh russkikh filosofov” [“Anniversary of Two Russian Philosophers”], *Vestnik RKhGA* [Bulletin of RKhGA], 22(2), pp. 245–246. doi: 10.2599WRHGA.202L22.Z038.

Frank, S. L. (2010) “De profundis”, in Frank, S. L. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, pp. 169–190.

Khodasevich, Vladislav. (1996) “Nekropol’” [“Necropolis”], in Khodasevich, Vladislav. *Nekropol'. Vospominaniya. Literatura i vlast'. Pis'ma B. A. Sadovskomu* [Necropolis. Memories. Literature and Power. Letters to B. A. Sadovsky]. Moscow: Literatura i vlast', pp. 19–175.

Cherniaev, V. N. (2011) “Tagantsevskii zagovor: k 90-letiyu nerassekrechennogo dela” [“The Tagantsev Conspiracy: On the 90th Anniversary of the Still-Classified Case”]. Available at: <https://web.archive.org/web/20190401122416/https://www.svoboda.org/a/24385412.html> (Accessed: 19 July 2012).

Ern, V. F. (1911) “Kul'turnoe neponimanie. Otvet S. L. Franku” [“Cultural Misunderstanding. Reply to S. L. Frank”], in Ern, V. F. *Bor'ba za Logos. Opyty filosofskiye i kriticheskiye* [The Struggle for Logos. Philosophical and Critical Experiments]. Moscow: Pravda, pp. 120–142.

Yushkevich, P. S. (1916) “O filosofakh i filosofii (Na dispute S. L. Franka)” [“About Philosophers and Philosophy (At S. L. Frank’s Dispute)”], *Den'* [Day], 134(1294), May 17, p. 2.

Jacobi, F. H. (2006) “Pis'mo F. G. Yakobi k I. G. Fikhte (1799)” [“Letter from F. H. Jacobi to J. G. Fichte (1799)”], in Hamann, I. G. and Jacobi, F. H. *Filosofiya chuvstva i very* [Philosophy of Feeling and Faith]. St. Petersburg, pp. 206–264.

Begrambekov, A. L. (2022) “Georg Simmel and Semyon Frank: from Kant to Lebensphilosophie,” *Russian Sociological Review*, 21(4), pp. 57–81. doi: 10.17323/1728-192x-2022-4-57-81.

Информация об авторе: Александр Леонович Беграмбеков — выпускник аспирантуры школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), независимый исследователь, Москва, Россия.

Information about the author: Alexander L. Begrambekov — Graduate of the Postgraduate program of the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University), Independent researcher, Moscow, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.06.2025;
одобрена после рецензирования 01.09.2025;
принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 21.06.2025;
approved after reviewing 01.09.2025;
accepted for publication 10.09.2025.